

Проблемы современного русского языка

На Кубани добрэ жыть: одын робэ, сим лэжыть¹ (носители кубанских говоров о лени и ленивом человеке)

Ольга Геннадиевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина²,
Кубанский государственный университет (Россия, Краснодар), ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725010017

Аннотация: В статье рассматриваются языковые способы репрезентации представлений о лени в традиционной культуре кубанских казаков и не казачьего населения, проживающего на территории Краснодарского края. Объектом анализа являются единицы лексико-фразеологической системы кубанских говоров с южнорусской и украинской языковой основой. С опорой на фольклорную традицию констатируется двойственное отношение в казачьей среде к лени и категорически отрицательное — к ленивому человеку. Показывается сближение понятия «лень» в языковом сознании жителей Кубани как с понятиями «праздность», «пьянство», «бесхозяйственность», «пустословие», так и с понятием «богатство». Посредством анализа семантической структуры диалектных единиц и их внутренней формы, а также с опорой на высказывания носителей кубанских говоров реконструируется созданный ими словесный образ лентяя, отражающий стереотипные представления, единые для разных этносов. Показано, что этнокультурная специфика, раскрывающая особенности мироощущения кубанского

¹ Фрагмент частушки в названии статьи приведен в огласовке, характерной для носителей кубанских говоров с украинской языковой основой. Далее в статье иллюстративный материал подается в упрощенной орфографической записи с указанием места ударения, что позволяет отразить местные речевые особенности.

казачества, проявляется в создании локализмов (слов и фразеологизмов), своеобразии их внутренней формы, детализации процесса бездействия. На языковом материале говоров позднего образования подтверждается вывод о том, что положительный идеал — уважение к труду — воспитывается в традиционной казачьей культуре через не-приятие и осмеяние лени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, традиционная казачья культура, диалектная лексико-фразеологическая система, семантика, словесный образ лентяя

для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. *На Кубани добре жыть: одын робэ, сим лэжыть* (носители кубанских говоров о лени и ленивом человеке) // Русская речь. 2025. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611725010017.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Issues of Modern Russian Language

Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt' (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects on Laziness and Lazy People)

Olga G. Borisova¹, Lyudmila Yu. Kostina², Kuban State University (Russia, Krasnodar),
ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

ABSTRACT: The article examines linguistic means of representing laziness in traditional culture of the Kuban region Cossacks and non-Cossack population inhabiting territories of the Krasnodar region. The object for analysis are

units of the lexical-phraseological system of Kuban region sub-dialects with South Russian and Ukrainian language base. It establishes the ambivalent attitude towards laziness and point-blank negative attitude towards lazy people in the Cossack environment backed by folklore traditions and demonstrates similarities between the notion of "laziness" in linguistic consciousness of the Kuban region inhabitants as well as notions of "idleness", "heavy drinking", "diseconomy", "meaningless blather", and, interestingly, the notion of "wealth". The paper reconstructs the established verbal image of a sluggard, which reflects stereotypical images common for various ethnicities, by means of analyzing the semantic structure of dialect units and their inner form, as well as relying on statements of the Kuban region sub-dialects speakers. The article demonstrates that the ethnocultural features, which reveal particular aspects of the Kuban region Cossacks' world-view, manifest themselves in creation of localisms (words and phraseological units), in uniqueness of their inner form, in detailed elaboration of the idleness process. By means of language material from recently-formed sub-dialects, it proves the conclusion that the positive ideal, i. e. respect for labor, is cultivated within the traditional Cossack culture by way of rejection and mockery of laziness.

KEYWORDS: Kuban region sub-dialects, traditional Cossack culture, dialect lexical-phraseological system, semantics, verbal image of a sluggard

FOR CITATION: Borisova O. G., Kostina L. Yu. *Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt'* (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects on Laziness and Lazy People). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611725010017.

ACKNOWLEDGEMENT: The research was carried out with the financial support of the Kuban Scientific Foundation as part of the project No. 24-28-2008. The research was carried out using a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

3

накомство с диалектным языковым материалом предполагает наличие у читателя общего представления о языковой ситуации, сложившейся в регионе. В данной статье рассматриваются лексические единицы, функционирующие в кубанских говорах (далее — КГ). Поясним: в современном состоянии эти говоры представляют собой оригинальный идиом смешанного типа с русско-украинской языковой основой, имеющий

заметные различия на фонетическом и грамматическом уровнях и обладающий значительным единством лексико-фразеологического состава, что проявляется в наличии общекубанского лексико-фразеологического пласта — слов и фразеологизмов, функционирующих в КГ как с южнорусской, так и с украинской языковой основой. Объединение двух лексико-фразеологических систем в единую макросистему основывается на концепции Р. И. Аванесова, в которой диалектный язык определяется как сложная система диалектных микросистем, предполагающих варьирование общих и различительных признаков [Аванесов 1964: 11]. Такое понимание диалектного языка «позволяет говорить не об общности и различии лексико-фразеологических систем КГ с украинской языковой основой и КГ с южнорусской языковой основой, а о вариативности русского диалектного языка, составной частью которого они являются» [Борисова 2019: 269].

Обозначенный подход к типологической характеристики кубанского диалекта объясняет правомерность рассмотрения в данной статье лексики и фразеологии в рамках единой макросистемы. В названии статьи приводятся строчки широко известной в Краснодарском крае частушки, в которой со свойственной носителям КГ самоиронией выражается негативное отношение к нежеланию трудиться: *На Куба́ни до́брэ жыть: оды́н ро́бз, сим лэжы́ть. А як со́нцэ прыпыче́, и посли́дний утиче́*. Отметим, что в речи местных жителей чаще употребляется только первое предложение, функционирующее как поговорка. С приведенной частушкой перекликается и другая: *На работу болят пятки, а с работы без оглядки*. Между тем в крае бытует и такая паремия: *Мешай труд с бездельем — проживёш свой век с весельем*, в которой лень воспринимается как необходимый человеку отдых от тяжелого сельского труда. В приведенных паремиях отражается неоднозначное отношение к лени, своеобразное русской народной культуре в целом. Эта идея детально раскрывается в монографии М. А. Ереминой «Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции» [Еремина 2014]. Ср. *Лень-матушка и Лень — мать всех пороков*. У такой двойственности есть рациональное объяснение. Народному сознанию свойственна абсолютная функциональность. Именно с позиции функциональности лень, с одной стороны, воспринимается негативно, поскольку «ходит в противоречие с принципами выживаемости, коллективности» [Вендина 2020: 188], с другой стороны, позитивно — как оберегающий защитный механизм, сохраняющий жизненную силу, способность к трудовой деятельности.

При этом оценка ленивого, бездеятельного человека, как демонстрирует анализ лексико-фразеологического состава КГ, однозначно отрицательная. Ироническое, презрительное, уничижительное отношение

к лентяям находит отражение в беседах с информантами, записанных во время диалектологических экспедиций. См., напр.: *Тако́й лутя́ка, что хлеб ис-пад но́су ни вазьмёт: ру́ку жаль тину́ть* (ст-ца Отважная). *А у колхози так було́: повыхо́дить у стэ́п — я куха́ркой була́ — гляжу́²: как за́фтракатъ — бога́то ми́ру, а пото́м похова́юця и спля́ть* (ст-ца Старомышастовская). Вин ще тот лутай́ще! Ёго ны нахы́лыи: вин ныко́лы нэ робы́в и ны бу́дэ робы́ть (ст-ца Старотитаровская).

В лексико-фразеологической макросистеме КГ представлена яркая палитра языковых средств, репрезентирующих представления о лени и безделье в традиционной культуре кубанского казачества³. Наряду с общенородным ленъ в КГ зафиксировано слово ленцо́ (ср. в литературном языке ленца́ 'разг. некоторая склонность к лени' [Евгеньева (ред.) 1986: 175]): *Ма́ма рабо́тала дэнъ и ничь, а тётка, та с линцо́м была́* (пос. Парковый). Данный диалектизм в местных говорах функционирует, как правило, в составе фразеологизма-словоформы с ленцо́м. Обращает на себя внимание отнесенность диалектного слова к среднему роду, что, наряду с формой субъективной оценки, подчеркивает экспрессивно-сниженную окраску лексемы (ср. ленъ (ж. р.) — ленцо́ (ср. р.) / дрянь (ж. р.) — уничиж. дрянцо (ср. р.) [Бархударов (ред.) 1954: 1141]).

Ироничную, презрительную эмоционально-оценочную характеристику имеют диалектные глаголы с интегральным семантическим компонентом 'бездельничать'. Глаголы с данной семантикой входят в ядро практически любого национального языка, в том числе его территориальных разновидностей, представляя собой в русских народных говорах объемное словарное объединение. Многочисленны и диалектные глагольные фразеологизмы с общим значением 'бездельничать'. При этом языковое сознание диалектносителей стремится детализировать процесс бездействия, конкретизируя общее (интегральное) значение частными (дифференциальными) компонентами, что позволяет выделить в КГ десять групп лексических единиц (далее — ЛЕ), многие из которых образуют синонимические ряды различной протяженности:

1. ЛЕ со значением 'бездельничать, ничего не делать': *багла́йничать, байдакува́ть, байба́чить, леда́чить, лодырёва́ть, холода́ватель*⁴. К данной группе относятся два фразеологизма, равные по структуре двусоставному

² Для КГ характерно произношение фрикативного заднеязычного звонкого согласного, однако в статье этот звук передается буквой Г.

³ Анализируемые диалектные слова и фразеологизмы отбирались из «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [Борисова 2018].

⁴ Здесь и далее диалектные ЛЕ, отобранные из лексикографических изданий, подаются в их канонической (орфографической) форме, в которой они представлены в словарях.

предложению, — *багла́й у гу́зно зали́з и багла́и́ напа́ли ‘лень нашла’*. Словарь Б. Д. Гринченко, отражающий лексический состав украинского языка начала XX века, фиксирует существительное *багла́й* как моносемант (слово, имеющее одно значение) — ‘лень’ [Гринченко 1958а: 2]. В данном значении на Кубани слово употребляется исключительно в составе фразеологизмов, при этом ЛЕ *гу́зно ‘ягодица’* функционирует в КГ и в свободном значении. Широкий ареал в КГ с украинской языковой основой имеет глагол *леда́чить*, вошедший в них из материнского языка (ср. *ледачити* [Білодід (ред.) 1973: 467]). Производящей базой собственно диалектного глагола *байба́чить* выступает существительное *байба́к* ‘неповоротливый, ленивый и глуповатый человек’ [Филин (ред.) 1966: 52]. В литературном языке лексема в этом значении квалифицируется как разговорная (помета *разг.* [Евгеньева (ред.) 1985: 55]). Переносное значение развилось на базе прямого (‘1. Крупный степной грызун из рода сурков, осень и зиму проводящий в спячке’ [Евгеньева (ред.) 1985: 55]) по продуктивной в русском языке метафорической модели *животное → человек*. К локализмам относится глагол *охмура́ться*. В СРНГ лексема снабжена географическими пометами, указывающими на его функционирование в Усть-Лабинском районе Краснодарского края [Сороколетов (ред.) 1990: 40]. Внутреннюю форму кубанского глагола можно связать с зафиксированными в южнорусских (орловских) говорах диалектными структурными вариантами *охму́р*, *охму́рь* ‘столбняк [состояние неподвижности, оцепенения?]’ [Сороколетов (ред.) 1990: 40–41]. Глагол *холодова́ть* (ср. с лит. *прохладжда́ться*) означает также 1) испытывать холод; 2) отдохнуть в холодке’. Значение ‘бездельничать’ — результат метафорического переноса на базе второго.

2. ЛЕ со значением ‘бездельничать, занимаясь бесполезной, не приносящей ощутимых результатов деятельностью’. В основе фразеологизмов этой группы лежат либо реальные, либо нереальные дискурсивные ситуации. Так, прототипом таких устойчивых выражений, как *лягу́шек бить, глаза́ лягу́шкам выковы́ривать / выши́ривать, соба́к дразни́ть / дратува́ть, горобця́м ду́ли круты́ть / дава́ть, гав ловы́(и́)ть, мух ловы́(и́)ть*, выступают правдоподобные действия человека (обычно — мальчишек). Алогичные действия отражаются в следующих фразеологизмах: *ба́йдыки / га́йдуки бы(и)ть, на соба́ках шерсть бы(и)ть, из говна́ я́годки выбира́ть, на соба́к га́вкать, быка́м хвосты́ круты́ть, вы́трешки ловы́(и́)ть, зевака́ ловы́(и́)ть, соба́кам си́(е)но косы́(и́)ть, шалапо́вку отбива́ть, перепола́чивать ве́тер, рядно́ тяга́ть круго́м ха́ты, шука́ть вчёра́шнего дня*. Повышенный эмоциональный тонус

⁵ Здесь и далее таким образом показано вариативное ударение в слове.

фразеологических сочетаний обусловлен отсутствием здравого смысла в действиях, выраженных глаголом. Компонентом отдельных фразеологизмов выступают диалектизмы, бытующие в КГ и в свободном значении (*горобе́цъ*) ‘воробей’, *вы́трешки* ‘груб. глаза’, *га́ва* ‘ворона’, *дратува́ть* ‘дразнить’, *перепола́чивать* ‘разгребая, перевёртывать’, *рядно́* ‘грубоое полотно’, *шука́ть* ‘искать’). В качестве угрозы ленивому ученику используются выражения: *будешь ты свиней пасть*, *будешь ты быкам хвосты крути(ы)ть*, т. е. будешь выполнять грязную, непrestижную работу.

3. ЛЕ со значением ‘бездельничать, бродить, слоняться, шататься без дела’: *лы́ндать, матуси́ть, межедво́рить, огина́ться, сновыга́ть, тыня́ться, шала́ться*. Все лексемы пришли в КГ из материнских говоров. У диалектносителей бесцельная ходьба устойчиво ассоциируется с бездействием. Таким образом, есть основание констатировать, что значение ‘бездельничать’ у локализмов *бард(t)ижатъ* (‘1) скитаться, подолгу отсутствовать’), *босячкова́ть* (‘1)ходить босиком’; 2) бродяжничать’), *зы́каться* (‘1) отбиваться от оводов (от зык ‘овод’); 2) бегать’) появилось в результате метафорического переосмысления. Стереотипизированная ситуация «ходжение без дела» конкретизируется в таких устойчивых выражениях, как *горобци́в гоня́ть* ‘болтаться без дела по улице’, *хо́дить с кутка́ в куто́к* ‘слоняться без дела из угла в угол’, *ла́зыть по ха́ткам, счита́ть чужи́е дворы́* ‘ходить по знакомым, забросив домашние дела’.

4. ЛЕ со значением ‘бездельничать, принимая позу, в которой невозможно ничем заниматься’: поза лежа — *лежебо́чить, но́ги в(y) потоло́к*; поза сидя — *ла́вочку полирава́ть, глаза́ продава́ть* (о том, кто сидит на лавочке без дела), *сиде́ть сто́рожем, си(y)д(y)е́ть як на по́кути* (*по́куть* ‘передний угол в доме, место под иконами’).

5. ЛЕ со значением ‘бездельничать, вести праздный образ жизни’: *гу́льки спра́вля́ть*. В языковом сознании носителей КГ сближаются понятия «праздность», «пьянство» и «лень». У выражения *води́(ы)ть журавля́*, имеющего обрядовое значение ‘ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы, много шутить, петь песню «Таки́й, таки́й жураве́ль» и славить молодую после брачной ночи’, развилось второе — ‘пьянствовать, забросив все дела’ [Чалов 1981: 172–173]. Развитие значения ‘бездельничать’ у фразеологизма *обраста́ть жи́ром / жирко́м* (первое ‘богатеть’) вызвано существующей в казачьей среде ассоциацией лени с богатством.

6. ЛЕ со значением ‘бездельничать, пустословить, тратя время на пустую болтовню’: *спра́вля́ть гы-гы / ля-ля, хло́пать языко́м* ‘бездельничать’ и др. Безделье часто сопровождается пустой болтовней, что отражается в пословицах и поговорках. См., напр.: *У бре{ы/э}хуна́ и ди́ло стои́т(b)*;

Бре[ы/э]ха́ть не[ы/э] цэпо́м маха́ть. Очевидная пейоративность (неодобрительная, уничижительная оценочность) приведенных ЛЕ обусловлена тем, что сельские жители не одобряют пустые разговоры, отнимающие время у работы по хозяйству.

7. ЛЕ со значением ‘бездельничать из-за отсутствия желания что-л. делать’ немногочисленны. В их составе слово *рука* реализует символическое значение ‘деятельность’, обусловленное функцией этой части тела. Устойчивое выражение *ру́ки / ру́чки ве́ром* содержит дополнительный семантический компонент ‘демонстративно’. Во фразеологии *и за холо́дную во́ду не бра́ться* соматизм *рука* представлен имплицитно, его отсутствие обусловлено избыточностью семантики стержневого глагола.

8. ЛЕ со значением ‘бездельничать, увиливать от работы, отлынивать’: *манивца́мы ходы́ть* (ср. свободное словосочетание *манивца́мы ходы́ть* ‘ходить окольными путями’).

9. ЛЕ со значением ‘бездельничать, создавать видимость работы’: *ды́м в глаза́ пуска́ть*.

10. ЛЕ со значением ‘бездельничать, скучать, томиться, изнывать от безделья’: *нудьгова́тъся* (ср. с *нудьгува́ти* ‘тосковать, скучать, томиться’ [Гринченко 1958б: 572]; в русском литературном языке функционирует глагольная лексема *ну́диться*, второе значение которой аналогично диалектному [Евгеньева (ред.) 1986: 514]).

Ленивого человека характеризуют и диалектные имена прилагательные: *ле[ы/э]да́чий*, *ле[ы/э]да́щий*, *лука́вый*, *ло́дырный*, *лодырю́чий*, *луткова́тый*. За счет суффиксов (-ЮЧ(ИЙ), -(К)ОВАТ(ЫЙ)) признак лени раскрывается как динамическое качество, проявление которого возможно в разной степени.

В активном словаре у носителей КГ с украинской языковой основой находится обладающее пейоративной окраской отлагольное прилагательное *невы́робленный* (ср. антоним *вы́робленный*). Зарегистрированные высказывания информантов позволяют выделить у него два значения. В первом ЛЕ номинирует полного сил человека, не занимающегося тяжелым физическим трудом: *У'паръка* (прозвище О. Н. Упарь — заведующей местным музеем) *нывы́робленна:* *сыды́ть в музéи, нычёго ны ди́лае. Отó вона́ и така́ красы́ва, шо нывы́роблэна* (ст-ца Старотитаровская). В языковом сознании сельского человека, проживающего на Кубани, умственный труд не сравним с физическим по степени тяжести и интенсивности. Во втором значении слово характеризует того, кто вообще никогда не работал: *Ана́ нывы́раблинная, сро́ду нигде́ ни рабо́тала* (ст-ца Архангельская).

Широко бытуют в КГ существительные, называющие человека по его отношению к труду, среди которых значительно преобладают номинации лентяев. Так, в КГ зарегистрированы следующие ЛЕ со значением

‘ленивая женщина’: лежебо́чиха, ло́ды(а)рька, лутя́чка, ля́гва, ля́да, нераде́лка. Узколокальным (ст-ца Кубанская) является указанное значение у общенародного слова балери́на. Аналогичная ироническая окраска и у фразеологизма хозя́йка на всю кро́вать, аж до до́лу, записанного в ст-це Старотитаровской. В его основе лежит следующий визуальный образ: ленивая женщина постоянно лежит или спит, поэтому сетка кровати растянулась и касается пола (до́ла). Выражение *и тка́ла, и пря́ла, и кру́жева вяза́ла* — всё языко́м относится к женщине, которая много времени проводит за разговорами, забывая о насущных делах.

Разнообразны номинации ленивого мужчины: *багла́й*, лут, лута́й, лутя́га, лутя́ка, лутаи́ще, лыда́ч, холодо́вник, легкопа́р (ср. у В. И. Даля легкопа́шня ‘ленивый пахарь’ [Филин (ред.) 1980: 313]), *нахле́бник, наше́йник*.

К локализмам относятся диалектные структурные варианты лут, лута́й, лутя́га, лутя́ка, лутаи́ще, демонстрирующие экспрессивно-смысловую градуальность за счет словообразовательного форманта. В СРНГ лут отнесен в двух значениях: 1. Лыко, кора липы. 2. Ободранная липа, палка без коры’ [Филин (ред.) 1981: 206]. В значении ‘лыко’ слово зарегистрировано и в украинском языке [Гринченко 1958а: 383]. На Кубани в Темрюкском районе функционирует ЛЕ лыко/ысе́ся ‘неповоротливый, медлительный, ленивый человек’. П. Ткаченко приводит ее без указания географии со значением ‘неумелая, неряшливая женщина’ [Ткаченко 1998: 160]. Представляется, что ЛЕ лут, лута́й, лутя́га, лутя́ка, лутаи́ще и лыко/ысе́ся могут иметь тождественную образную основу. Примеры перехода значения ‘дерево’ ~ ‘человек’ достаточно распространены, см. [Фасмер 1996а: 102]. В русских говорах функционируют лексемы лы́ка ‘лыко’, лы́ка́с ‘лентяй’, лы́кастить ‘лентяйничать, лоботрясничать’ [Филин (ред.) 1981: 220]. Другую версию находим у В. И. Даля, фиксирующего ЛЕ лыкасъ ‘бирюк, овчар, серый волк’ с пометой *от греч. lycos?*, а также глагол лыкастить ‘шататься, слоняться’. В. И. Даль связывает лыкастить с лытать ‘шататься’, от которого лытасъ ‘шатун, лентяй, потаскун’ [Даль 1989: 276].

С единственной ареальной пометой юго-вост. Кубани в СРНГ приводится лексема *нахле́бник* ‘лодырь, бездельник; дармоед’ [Филин (ред.) 1985: 260], которая в диссертационном исследовании М. Н. Шабалина квалифицируется как инновация советского периода с пометой *нов.* [Шабалин 1952].

Локализмом является слово *рассланде́й* ‘1. Раствор. 2. Лодырь’, которое снабжено в СРНГ географической пометой юго-вост. Кубани [Сороколетов (ред.) 2000: 212]. Можно предположить его двоякую мотивацию. Во-первых, у лексемы выделяется корень СЛАН-, ср. *слать, слань* ‘все, что

постлано, подстилка’ [Даль 1991: 218]. При такой трактовке внутренняя форма слова связана с лежанием, которое, в свою очередь, ассоциируется с бездельем. Во-вторых, допустима связь диалектного существительного с глаголом *слоняться* ‘ходить, бродить взад и вперед, обычно без цели, без дела’ [Евгеньева (ред.) 1988: 143]. Приставка РАС- актуализирует значение большей интенсивности признака. Единственную географическую помету в СРНГ *Усть-Лабин.*, *Краснодар* имеет сложное существительное *легкобы́тник* [Филин (ред.) 1980: 312], в значении которого, помимо семы ‘бездельник’, присутствует семантический компонент ‘любитель легкой жизни’, обусловленный словообразовательной структурой лексемы: *Адни́ лихкабы́тники у пивно́й сидя́ть* (ст-ца Кирпильская).

Многослойной семантикой обладают локальные ЛЕ *долба́к*, *на́долбень* ‘дурак, пустомеля, бездельник’. В ст-це Новолабинской, говор которой имеет южнорусскую языковую основу, в значении ‘лентяй’ записано существительное *тылага́й* (гласный звук [ы] во втором предударном слоге — результат редукции). С аналогичным толкованием в донских говорах функционирует структурный вариант *талага́й* [Дегтярев, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003: 523]. В словаре В. И. Даля у лексемы *талага́й* зафиксированы несколько значений: ‘лентяй, шатун, тунеяд; большой болван, неуч, невежа; *Вор. бран.* однодворец; вообще сторонний, чужой мужик, отличающийся по одежде; *Смб.* мордовская женская верхняя рубаха’ [Даль 1991: 388]. М. Фасмер, в отличие от В. И. Даля, приводит два омонима: *талага́й* 1 ‘мордовская женская верхняя рубашка’ и *талага́й* 2, имеющий четыре значения, три из которых — прозвища: ‘1) прозвище воронежских старожилов у новоселов, 2) однодворцы в [бывшей] Воронежской губернии, 3) прозвище жителей Хворостани, [бывшей] Воронежской губернии’; четвертое — ‘болван’ [Фасмер 1996б: 14]. М. Фасмер высказывает предположение о происхождении второго омонима от названия одежды *талага́й* 1 тюркского происхождения, то есть признает омонимы гомогенными и считает менее вероятным объяснение Д. К. Зеленина: *талага́й* — ‘неразборчиво говорящий’ (от *талалакать*), см. [Фасмер 1996б: 14]. Между тем представляется, что точка зрения Д. К. Зеленина небезосновательна, поскольку в языковом сознании носителей диалекта лень обнаруживает связь с речевыми характеристиками, устойчиво ассоциируясь с пустословием, что приводит к сосуществованию в семантической структуре ЛЕ таких семантических компонентов, как ‘ленивый’ и ‘болтливый’. См., напр., в КГ существительное *шабо́лда* ‘болтун, врун, бездельник’.

Бездельника в КГ номинируют и существительные, относящиеся к категории общего рода: *бы́дло* (*бран.*), *ледаю́га*, *лентяю́га*, *лодарю́га*, *лодырю́ка*, *лодыря́ка*, *межедво́рка*. Значение ‘белоручка, неженка’ репре-

зентирируют существительное *ца'ца* и локальный фразеологизм *па'н(ь)ского ро'ду*, в котором актуализируется социальный стереотип: в сознании носителей КГ богатые люди (*паны*) вели праздный образ жизни за счет наемных работников. Разнообразны фразеологические единицы, номинирующие медлительного, ленивого, нерасторопного человека: *хоть под за'д кипятку' лей, ны живы'й ны ме'ртвый, коплы'ый як черепа'ха, трём сви'ньям ий'сты не разди'лэ*. В значении 'быть нерасторопным, ленивым мужчиной' зафиксирован фразеологизм *ходы'ть и на мотню' наступа'ть*. Вялую работу характеризуют устойчивые сравнения *как / як мо'кroe гори'т(ь), как / як мёртвый ды'шиш(ь)*.

В народном сознании подросшие дети, не помогающие родителям по хозяйству, — антитип. В ст-це Бородинской записан локализм *лоба'нь* 'крепкий, здоровый, но ленивый подросток', мотивированный существительным *лоб* в просторечном значении '2. пренебр. О подросших, ставших большими, взрослыми детях' [Евгеньева (ред.) 1986: 261].

Образ лентяя у диалектносителей вызывает устойчивые ассоциации с бесхозяйственностью. В активном словаре станичников находится прилагательное *нехозя'йлыый*, представляющее собой словообразовательный вариант общенародного прилагательного бесхозяйственный. Значение 'не держать хозяйство: огород и домашних животных' актуализирует образованный на базе свободного словосочетания фразеологизм *жыть городско'й жи'знью: Щас мэ'нэ сын огороди'л от всэ'го. Я гороцко'й жы'знью жыгу'. У мэ'нэ да'жэ ни ки'шки, ни соба'ки нема'* (ст-ца Старомышастовская).

Двор без огорода, сада, домашних животных, требующих каждодневного ухода, приложения сил, называют на Кубани *пустой двор*. Образная основа фразеологизма подчеркивает обесценивание жизни сельского человека без домашнего хозяйства, наличие которого определяет его социальный статус, является залогом обеспеченности и достатка. В большинстве своем современные жители Кубани имеют подсобные хозяйства. Однако следует признать, что зачастую современная сельская молодежь *не де'ржится за зе'млю* (ср. *держа'ться за зе'млю* 'крестьянствовать, жить, трудиться в сельской местности' [Чалов 1981: 142]), многие уезжают в город и, даже если остаются в станице, не желают заниматься сельским трудом. Все это приводит к неизбежному размыванию традиционного уклада старшего поколения, жизнь которого неразрывно связана с постоянной работой на земле. Приведем показательные высказывания информантов: *Пусты'е агаро'ды стая'т. Да казу' прывижы', и хай пасёцца. И сваё малако' бу'дит, скати'нка ва дваре'.* Эта ш фсё каза'че. Быт каза'чий како'й? *Шон скаты'ны не' была ва дваре'?! А щас пти'цу и то ни фсе де'ржат* (пос. Ахтырский). А щас, поды'вышися: *молодёш робы'ть нэ*

хо́че, вси ти́ко би́зънисом бы заныма́лъся (хут. Братковский). Гаро́ды
щас пабраса́тыц, а ра́ньшэ гаро́т бро́сиш — здо́хниши (ст-ца Зассовская).
Тут одни́ шкорбо́вки жывеу́ть — пинсионе́ры. Молодёш уся́ в го́роди, а до́
на́с никако́го внима́ния (ст-ца Отрадная Тихорецкого района).

Представленный языковой материал свидетельствует о разнообразии языковых способов презентации представлений о лени в КГ. Пейоративная окраска ЛЕ демонстрирует характерное для традиционной культуры утверждение положительного идеала — уважения к труду и человеку труда — посредством осуждения безделья и насмешки над ним. Созданный носителями КГ словесный образ лентяя, за которым закрепляются дополнительные ярлыки пьяницы, болтуна, дурака, гуляки, белоручки и др., отражает стереотипные представления, единые для разных этносов. Этнокультурная специфика, раскрывающая особенности мироощущения кубанского казачества, проявляется в создании локализмов (слов и фразеологизмов), своеобразии их внутренней формы, детализации процесса бездействия. Носители КГ, воспринимая ленивого человека как антиформу, демонстрируют доминирование нормативного мышления, что находит воплощение в сформулированной народом нравственно-этической аксиоме *лу́чше рабо́тать, чем ле[ы/э]да́чить*.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 779 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 683 с.

Литература

Аванесов Р. И. Введение // Русская диалектология. М.: Наука, 1964. С. 7–28.

Бархударов С. Г. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 3. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 700 с.

Білодід І. К. (ред.). Словник української мови: в 11 т. Т. 4. Київ: Наукова думка, 1973. 840 с.

Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и ее реализация: дис.... д-ра филол. наук / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2019. 633 с.

Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.

Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М.–СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 1. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958а. 494 с.; Т. 2. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958б. 573 с.

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина. *На Кубани добрэ жыть: одын робэ, сим лэжыть* (носители кубанских говоров о лени...)

O. G. Borisova, L. Yu. Kostina. *Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt'* (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects...)

Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н., Сердюкова О. К. Большой толковый словарь донского казачества. М.: ООО «Русские словари», ООО «Астрель», ООО «АСТ», 2003. 608 с.

Евгеньева А. П. (ред.) Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.; Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1988. 800 с.

Еремина М. А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 204 с.

Сороколетов Ф. П. (ред.) Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л.: Наука, 1990. 353 с.; Вып. 34. СПб.: Наука, 2000. 369 с.

Ткаченко П. И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2008. 288 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996а. 576 с.; Т. 4. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996б. 864 с.

Филин Ф. П. (ред.) Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.-Л.: Наука, 1966. 317 с.; Вып. 16. Л.: Наука, 1980. 376 с.; Вып. 17. Л.: Наука, 1981. 384 с.; Вып. 20. Л.: Наука, 1985. 376 с.

Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис.... канд. филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1981. 292 с.

Шабалин М. Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани (к вопросу о взаимодействии близкородственных языков): дис. ... канд. филол. наук / АН СССР Ин-т языкоznания. М., 1952. 474 с.

References

- Avanesov R. I. [Introduction]. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 7–28. (In Russ.)
- Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' sovremenennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vols. Vol. 3. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1954. 700 p.
- Bilodid I. K. (ed.). *Slovnik ukrains'koj movi* [Dictionary of Ukrainian]. In 11 vols. Vol. 4. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1973. 840 p.
- Borisova O. G. *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya*. Diss. dokt. filol. nauk [Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macro-system: a model and its implementation. Dr. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2019. 633 p.
- Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [Experience of the dictionary of the Kuban dialects]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2018. 485 p.
- Chalov V. P. *Istoriko-lingvisticheskii ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhaju-shchii ego istoriyu, voennyi byt i dukhovnuyu kul'turu*. Diss. kand. filol. nauk [Historical and

- linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1981. 292 p.
- Degtyarev V. I., Kudryashova R. I., Protsenko B. N., Serdyukova O. K. *Bol'shoi tolkovyj slovar' don-skogo kazachestva* [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, ООО "Russkie slovari", ООО "Astrel", ООО "AST" Publ., 2003. 608 p.
- Eremina M. A. *Len'i trudolyubie v zerkale russkoj yazykovoj tradicii* [Laziness and diligence in the mirror of the Russian language tradition]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk St. Univ. Publ., 2014. 204 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 696 p.; Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 736 p.; Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 800 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. In 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Azbuka Publ.; Moscow, Publ. Center "Terra", 1996a. 576 p.; Vol. 4. St. Petersburg, Azbuka Publ.; Moscow, Publ. Center "Terra", 1996b. 864 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 2. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966. 317 p.; Iss. 16. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1980. 376 p.; Iss. 17. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1981. 384 p.; Iss. 20. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1985. 376 p.
- Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. In 4 vols. Vol. 1. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958a. 494 p.; Vol. 2. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958b. 573 p.
- Shabalin M. N. *Russkie govory na yugo-vostoke Kubani (k voprosu o vzaimodeistvii blizkorodstvennykh yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [Russian dialects in the south-east of Kuban (on the issue of the interaction of closely related languages). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1952. 474 p.
- Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 25. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 353 p.; Iss. 34. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000. 369 p.
- Tkachenko P. I. *Kubanskii govor. Opyt avtorskogo slovarya* [The Kuban dialect. The experience of the author's dictionary]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2008. 288 p.
- Vendina T. I. *Antropologiya dialektnogo slova* [The Anthropology of the dialect word]. Moscow–St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 684 p.